

СТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С. Л. Утченко

Проблема становления Римской империи принадлежит к числу «вечных проблем» мировой истории. Литература по этому вопросу неисчерпаема, самый вопрос давно рассмотрен с разных сторон, события, связанные с возникновением Римской империи, отделены от нас двухтысячелетней давностью, и, несмотря на все это, проблема становления Римской империи продолжает возбуждать широкий интерес. Более того, эта проблема настолько жива и всеобъемлюща, что и ныне каждый исследователь, который рискнет к ней обратиться, может найти здесь нечто новое, не до конца решенное и вместе с тем принципиально важное и поучительное. Отнюдь не претендуя на то, чтобы в предлагаемой работе решить или хотя бы только осветить интересующую нас проблему в целом, мы сделаем попытку коснуться лишь одного из ее аспектов, который и относится, на наш взгляд, к числу принципиально важных, но еще не до конца решенных вопросов. Мы имеем в виду вопрос о характере перехода от Римской республики к империи.

Понятие «Римская империя» с давних пор выступает перед нами в двойственном значении. Первое из них — более распространенное, но и более «узкое» — существует чуть ли не со времен аббата Тиллемона, то есть с конца XVII в. (если не раньше). В соответствии с привычными и глубоко укоренившимися представлениями Римская империя «начинается» якобы с момента установления императорской власти абсолютистского типа (и сопутствующей этому явлению деградации республиканских учреждений). Сторонники подобной точки зрения допускают варианты лишь хронологического и формально-юридического порядка: начинать ли «эпоху империи» со времени Августа или Цезаря (реже — с диктатуры Суллы), считать ли с государственно-правовой точки зрения принципат Августа монархией, «диархией» или даже своеобразным восстановлением республики. Из буржуазных ученых монархический характер власти Августа наиболее настойчиво подчеркивал В. Гардтхаузен¹; теорию «диархии», то есть дележа власти между принцепсом и сенатом, ввел впервые Т. Моммзен², а представление о принципате Августа как о *res publica restituta* отстаивал Э. Мейер³, хотя и не очень последовательно. Так, например, из его изложения остается неясным, сохраняется ли *res publica restituta* при преемниках Августа. Впрочем, высказывалось и такое парадоксальное мнение, что республиканский строй в Риме существовал вплоть до Коммода⁴.

¹ V. Gardthausen. Augustus und seine Zeit. I, 1—3; II, 1—3. Leipzig. 1891—1904.

² Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht. II. Leipzig. 1887; e jus d. Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig. 1893.

³ Ed. Meyer. Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius. Stuttgart—Berlin. 1922; e jus d. Kaiser Augustus, Kleine Schr. I. Halle. 1910.

⁴ Г. Ферреро. Величие и падение Рима. V. М. 1923.

Во втором — более «широком» — значении понятие «Римская империя» в последнее время все чаще и чаще встречается в специальной литературе. Мы имеем в виду прежде всего точку зрения Р. Ю. Виппера⁵, согласно которой о складывании Римской империи можно и следует говорить со времени развития римской «империалистической» политики и превращения Рима в крупную средиземноморскую державу. Примерно так же подходят к вопросу о становлении Римской империи М. Ростовцев и Р. Сайм⁶.

Какое же из этих двух значений следует признать? В известном смысле (и с известными оговорками) приемлемы оба, кстати сказать, вовсе не исключающие друг друга, значения. Однако, с нашей точки зрения, совершенно неприемлема их обычная мотивировка.

Если иметь в виду первое значение, то для историка-марксиста на главное место выдвигается вопрос не о замене республиканского строя абсолютистским, монархическим, а о переходе политической власти в руки представителей новых социальных слоев, новых фракций господствующего, рабовладельческого класса. Однако трансформация самого господствующего класса могла быть подготовлена и могла произойти только в новых социально-политических условиях. Созревание же этих условий — достаточно длительный процесс. Таким образом, мы подходим к более «широкому» значению понятия «Римская империя». Но и его содержание для историка-марксиста сводится не столько к римской экспансии и территориальному расширению римской державы, сколько к выходу Рима за рамки полиса, к замене «города-государства» новым типом социальной и политической организации, новым типом государства, то есть империей. Если кризис полиса и не вполне равнозначен кризису республики, то, во всяком случае, это тесно связанные между собой явления.

Республиканский Рим на определенной ступени своего развития был типичным полисом. Поэтому имеются все основания рассматривать вопрос о кризисе республики в плане развития или, вернее, разложения основных и наиболее характерных черт полисной организации. Каково же было направление этого процесса? Здесь прежде всего встает вопрос о форме собственности в римском обществе. К. Маркс определял эту форму как «совместную частную собственность активных граждан государства»⁷. Эту мысль, высказанную впервые в «Немецкой идеологии», Маркс развил и конкретизировал в работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Он отметил специфику античной формы собственности, которая выступает всегда в противоречивой двудеиной форме: как собственность государственная и как собственность частная. «У античных народов, — писал Маркс, — (римляне как самый классический пример, тут суть дела в самой ясной, самой выпуклой форме) противоречивая форма государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой, или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме»⁸.

В чем суть подчеркиваемого Марксом противоречия? Оно вскрывается следующим образом: в античном обществе необходимой предпосылкой права частной собственности была принадлежность к гражданской общине (то есть к полису). Только полноправный гражданин обла-

⁵ Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи. Изд. 2-е. Берлин. 1923.

⁶ М. П. Ростовцев. Рождение Римской империи. Пггр. 1918; его же. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig. 1929; R. Syme. Roman Revolution. Oxford. 1939; ср. с работами: I. Vogt. Römische Geschichte. I. Freiburg. 1932; G. Giannelli e S. S. Mazzarino. Trattato di storia Romana. I. Roma. 1953.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 21.

⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 16.

дал наряду с другими привилегиями правом собственности на землю. Так, в Афинах метеки, несмотря на то, что они были постоянными жителями, не имели права на приобретение земельной собственности⁹, и только в случае каких-либо особых заслуг перед государством им даровалась эта привилегия¹⁰. Но тогда они уже считались как бы приравненными к гражданам. В Риме квинритской собственностью — *dominium ex iure Quiritium* — пользовались, как известно, лишь римские граждане, что же касается чужеземцев (перегринов), то они, конечно, не могли обладать этим правом¹¹. То общее положение, что земля могла быть собственностью лишь членов гражданского коллектива, выражалось в факте существования *ager publicus*, а также в том, что земли включались в городские территории. Известно, что в Риме даже во времена империи значительная часть земель принадлежала городам и сдавалась гражданам в краткосрочную или долгосрочную аренду¹². Представление о городе (полисе) как о верховном собственнике земли долго не умирало; отсюда естественно вытекавший принцип неотчуждаемости земельных участков или наделов. И хотя эта неотчуждаемость все реже и реже соблюдалась в практике реально складывавшихся отношений, теоретически она продолжала существовать, и ни один из римских государственных деятелей и реформаторов, так или иначе касавшихся земельного вопроса, — от Гракхов до Цезаря — не рискнул прямо выступить против этого принципа¹³.

Но тем не менее античная форма собственности, которая в римских условиях выступала как *dominium ex iure Quiritium*, обнаруживает определенные симптомы разложения. Прежде всего квинритская собственность теряет свое исключительное положение, и наряду с нею возникают другие виды собственности, как, например, собственность перегринов, провинциальная, так называемая бонитарная. Причем по отношению к последнему виду собственности квинритская в определенных случаях даже вынуждена отступать на второй план¹⁴. Принципиально важным является тот момент, когда в Риме условие принадлежности к старой, замкнутой гражданской общине фактически перестает быть (или становится сугубо формальным) условием права собственности.

Одним из наиболее ярких симптомов разложения старой формы собственности следует считать развитие ветеранского землевладения. Эта новая форма землевладения тесно связана с таким явлением, как превращение римского народного ополчения в профессиональную армию. Меняются социальная природа и социальные функции армии. Именно здесь, в армии, возникает и развивается новое отношение к собственности, фактически уже не обусловленное принадлежностью к узкой, замкнутой гражданской общине. Римская армия после так называемой реформы Мария становится одним из наиболее существенных и наиболее действенных факторов, определяющих кризис республики¹⁵.

Происходит разложение органов полисной демократии. Они постепенно трансформируются в органы управления, оторванные от широких слоев населения. Комиции вырождаются, магистратуры «антиквизируются», сенат теряет свой авторитет и значение, хотя в силу своего антиде-

⁹ Xenophon. De vectigalibus, II, 6; Demosthenes, XXXIV, 6.

¹⁰ [Aristoteles]. Oeconomicus, 4.

¹¹ Gai, I, 1.

¹² См. Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. 1957, стр. 27.

¹³ Appianus. Bella civilia. I, 10; 27; ср. III, 2. У Цезаря впервые не бессрочный запрет продажи земельных наделов, а ограниченный двадцатилетним сроком.

¹⁴ В. М. Хвостов. История римского права. М. 1919, стр. 280.

¹⁵ Подробнее об этом см. С. Л. Утченко. Римская армия в I в. до н. э. «ВДИ», 1962, № 4.

мократического характера он значительно дольше других республиканских учреждений сохраняет прежнее лицо. Создаются предпосылки для возникновения разветвленного фискально-бюрократического аппарата, которому предстоит в дальнейшем полностью заменить органы полисной демократии.

И, наконец, своеобразное решение получает проблема гражданства. Замкнутость гражданства — один из характернейших признаков полисной жизни и устройства — в принципе не была полностью преодолена даже эдиктом Каракаллы¹⁶. И хотя фактически эта замкнутость нарушается еще в годы Союзнической войны, персонально-выборочный характер надления правами римского гражданства обуславливал уравнение в правах всего населения не в форме создания некоего общеимперского права, а в форме предпочтительного включения отдельных лиц или групп лиц (иногда и целых народностей) в римское право. Тем не менее это приводило к широкому, экстенсивному распространению гражданских прав, что было, в свою очередь, тесно связано с новой структурой римской администрации. Римская империя становилась не системой самостоятельных полисов, как иногда считают, и не системой зависимых городов, но системой, если можно так выразиться, бывших полисов (со всей вытекающей отсюда спецификой), которые все в большей и большей степени превращались в *tembra imperii*. Все это, взятое вместе с проблемой огромного территориального расширения римской державы, заставляет ставить вопрос о новом типе государства, складывавшегося в ту эпоху.

Исчерпывается ли подобным беглым анализом «характерных черт» и тенденций развития понятие «кризис республики»? Конечно, нет! Но, говоря о симптомах разложения античной собственности, о вырождении полисной демократии, о расширении доселе замкнутого круга гражданства, мы, по существу, имеем в виду лишь те новые социально-политические условия, которые возникли в результате общего кризиса полиса, ту канву, по которой будут расположены сложные узоры как социальных проблем, так и политических событий. И уже в качестве итога развернувшейся в римском обществе напряженной классовой борьбы мы имеем в виду также вопрос о трансформации господствующего класса.

Господствующий класс республиканского Рима распадался, собственно говоря, на две фракции: аграрную и торгово-денежную¹⁷. Эти две фракции были соответственно представлены двумя сословиями: сенаторским и всадническим. Однако в эпоху поздней республики, в эпоху гражданских войн, в значительной мере в результате этих войн экономическое и политическое положение обоих привилегированных сословий оказалось подорванным. Гражданские войны и связанные с ними экспроприации, система проскрипций весьма чувствительно отразились на крупном землевладении. Кроме того, представители сенаторского сословия (то есть крупные землевладельцы) были наиболее консервативной фракцией господствующего класса, той фракцией, которая теснейшим образом связывала свои судьбы с полисными традициями, с отживающими экономическими и политическими категориями. Эта староримская знать, сенатская олигархия в итоге гражданских войн растеряла свой былой авторитет, оказалась сильно потрепанной и к тому же разбавленной за счет выходцев из среды муниципальной знати, то есть *homines novi*. Старая аристократия не имела уже ни перспективной политической программы, ни прежней власти.

¹⁶ E. Schönbauer. *Municipia und coloniae in der Prinzipatzeit*. «Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-Historische Klasse. 1954. № 2, S. 45.

¹⁷ См. С. И. Ковалев. *История Рима*. Л. 1948, стр. 385.

Всадническое сословие в результате гражданских войн также было слишком дезорганизовано, чтобы выступить с какой-либо самостоятельной программой. Будучи, по существу, чрезвычайно пестрой в социальном и политическом отношении группировкой, к тому же пострадав от проскрипций больше, чем все другие слои римского общества, всадники в этот период были заняты сугубо меркантильными делами и активного участия в политической борьбе, как правило, не принимали. Впрочем, наряду со старым всадничеством, с детьми сенаторов, с выходцами из муниципиев уже намечалась новая группа служилого всадничества, которой предстояло в дальнейшем играть заметную роль¹⁸.

Таким образом, сенаторское и всадническое сословия (в их «классическом выражении») представляли собой сходящие со сцены фракции господствующего класса. Поднимаются новые социальные группировки, которые все в большей степени претендуют на ведущее положение в сфере политической жизни и борьбы. Это представители муниципальной (а затем и провинциальной) знати, богатые вольноотпущенники, армейские ветераны (командный состав). Господствующий класс в значительной степени разбавляется этими *homines novi*. Наблюдается любопытное явление — процесс взаимных приспособлений и уступок. Всем этим «новым людям» импонирует возможность влиться в ряды староримской знати; представителям же прежних привилегированных сословий поневоле приходится несколько потесниться и приспособиться к новой обстановке. Господствующий класс фактически трансформируется, и политическая власть переходит в руки этого уже трансформированного класса.

В данной связи и возникает тот вопрос, который представляет для нас наибольший интерес, — о характере перехода от республики к империи. Можно ли считать подобный переход, как это утверждает ряд исследователей, революционным? Если это революция, то каков ее тип? Может ли она считаться революцией социальной? Мы полагаем, что этот интересующий нас вопрос не принадлежит к числу окончательно выясненных и решенных.

Останемся прежде всего на точках зрения, существующих в современной историографии. Наиболее заметное влияние на буржуазную историографию последних десятилетий оказали взгляды М. Ростовцева. Его концепция становления Римской империи в общих чертах выглядит следующим образом. Во II в. до н. э. Рим в результате развития экономики и изменившихся условий жизни перестает быть крестьянским государством, руководимым земельной аристократией. Происходят важные социальные сдвиги. В масштабе всей Италии складывается сословие крупной городской буржуазии. Это явление тесно связано с общей урбанизацией Италии. Растущее богатство двух высших сословий римского общества и привлечение крупных капиталов в сельскохозяйственное производство (виноградники и оливковые плантации) приводят к вздуванию цен на землю, к разорению крестьянства, чему, безусловно, содействуют и бесконечные войны. Эти процессы имеют своим результатом острый кризис в Италии. Традиционное правление римской аристократии, опиравшейся на крестьянское войско, вырождается в олигархию знатных и богатых фамилий, а военная мощь Рима начинает заметно идти на убыль¹⁹.

Таковы общие причины кризиса. С этих позиций Ростовцев подходит к оценке движения Гракхов, Союзнической войны (в довольно традиционных тонах) и, наконец, реформы Мария, которая приводит к решающему, с его точки зрения, результату — созданию армии из пролета-

¹⁸ См. Н. А. Машкин. Принципат Августа. М.-Л. 1949, стр. 447—449.

¹⁹ M. Rostovtzeff. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. I, S. 19—21.

риев и разоряющихся крестьян. Эта пролетаризированная армия превращается в более действительного представителя массы римских граждан, чем народное собрание, и вместе с тем в более приспособленное орудие для достижения честолюбивых целей. Первым, кто осознал изменившуюся ситуацию и использовал новый фактор (то есть армию) в политической жизни Рима, был Сулла. Его политическое кредо, которое превращало его в ярого врага реформы Гракхов, заключалось в том, чтобы приспособить к нуждам государства власть сенаторского меньшинства. После его смерти гражданская война, как известно, возобновилась. Это была лишь борьба за власть, за первое место в государстве, и борющиеся стороны не имели особой политической программы, не стремились к радикальным реформам. Вот почему борьба между Цезарем и Помпеем представляется столь неясной и запутанной. Цезарь выиграл войну, ибо был лучшим организатором и военным гением.

После его гибели борьба снова приобрела хаотический характер. Ветераны Цезаря, безусловно, поддерживали Антония и Октавиана. Некоторые энтузиасты, главным образом из числа интеллигентов, встали на сторону Брута и Кассия. Основная масса принимала участие в борьбе, будучи к тому вынужденной, веря в обещанные земли и награды, надеясь на восстановление мира и спокойствия. Но в ходе дальнейшей борьбы, приведшей к соперничеству между Октавианом и Антонием, ситуация существенно меняется. Постепенно Октавиан в глазах представителей высших сословий Рима, а также италийской муниципальной буржуазии начинает олицетворять собою идею борьбы против восточного варварства и рабства. В битве при Акциуме он уже выступает не только как революционный вождь, стремящийся к захвату власти, но как борец за прошлое и будущее Рима. Он боролся против грозного призрака восточной монархии²⁰.

Таковы взгляды М. Ростовцева. В свете этих взглядов переход от республики к империи предстает в виде весьма своеобразно понимаемой революции, основной движущей силой которой была новая римская армия — вооруженный пролетариат. Ее вожди — Марий, Цезарь, Антоний, Октавиан — выступают как вожди революционного движения. Недаром в одной из своих более ранних работ Ростовцев признавался, что его концепция становления империи, продуманная им «до конца», навеяна пережитыми событиями²¹, то есть событиями Великой Октябрьской социалистической революции, к которой он, как известно, отнесся крайне враждебно. Кроме того, Ростовцев широко пользуется такими понятиями, как буржуазия (муниципальная), капитализм и т. п., что типично для всех модернизаторов античной истории.

Переход от Римской республики к империи понимает как некую революцию и Р. Сайм, работа которого, кстати сказать, так и называется — «Римская революция». Характеризуя римскую олигархию, автор всячески подчеркивает ту мысль, что политическая жизнь в Риме определялась не борьбой партий или программ, не мнимым противоречием между сенатом и народом, а спором за власть, богатство, славу. Соперничество развивалось в среде самого нобилитета; знатные фамилии творили историю республики, давая свои имена эпохам. Так, был век Циципионов, век Метеллов²².

Пожалуй, наиболее своеобразны и интересны соображения, высказываемые Саймом о диктатуре Цезаря и о характере его власти. В первых, он считает Цезаря не «революционером», а скорее «реалистом и оппортунистом». Во-вторых, он не признает стремления Цезаря основать «эллинистическую монархию». Понимая, что правление нобилитета ста-

²⁰ Ibid., S. 21—26.

²¹ М. П. Ростовцев. Рождение Римской империи, стр. V.

²² R. Syme. Op. cit., pp. 11—12.

новилось в мировой державе анахронизмом, как, впрочем, и господство римского плебса, Цезарь тем не менее мог вполне удовлетвориться диктатурой; его автократическая позиция была вынужденной. Однако «государственный деятель без партии — ничто», подчеркивает Сайм и переходит к рассмотрению вопроса о «партии» Цезаря. Он отмечает ее довольно разношерстный состав, говорит о личных и фамильных связях. Его общий вывод таков: в партию Цезаря входили сенаторы, всадники и центурионы, «деловые люди» и провинциалы, наконец, цари и династы. Последнее не должно удивлять: судьба Рима и Италии ныне была тесно связана с провинциями, даже зависела от них ²³.

Гражданскую войну после убийства Цезаря Сайм рассматривает как дальнейшее углубление революции. «Наследник Цезаря» — так даже названа специальная глава — квалифицируется автором как революционный вождь, передел земель италийских городов — как социальный переворот ²⁴. На последнем этапе гражданской войны Октавиану удается создать единый фронт против своего соперника, и он уже выступает как вождь всей Италии. После победы при Акциуме термин «вождь» (*dux*), поскольку он имел некий «военно-политический» оттенок, заменяется на республиканское звание принцепса ²⁵. Оценивая характер и объем власти Августа, Сайм категорически возражает против всех попыток определить юридические основы этой власти.

Таково понимание Саймом «римской революции». По существу, весь отрезок римской истории с 60 г. до н. э. по 14 г. н. э. рассматривается им как эпоха революции. В отличие от Ростовцева он гораздо меньше уделяет внимания чисто экономическим, хозяйственным проблемам, его интересует главным образом социальная и политическая история. Но, анализируя социальные отношения, Сайм часто подменяет их просопографическими построениями. Подобный метод проникновения в жизнь римского общества, «в дух эпохи» приводит на деле к выхолащиванию социального содержания многих важных событий, связей, явлений. Но как бы то ни было, работа Сайма, как и работа Ростовцева, оказала в свое время — и продолжает оказывать поныне — большое влияние на буржуазную историографию. Не только ряд основных выводов и положений, но и общее понимание перехода от республики к империи как некоей революции принимается большинством современных исследователей на Западе без каких-либо существенных возражений.

В советской историографии наиболее решительно против такого понимания перехода к империи выступил Н. А. Машкин, самый крупный советский исследователь принципата. Он совершенно справедливо критиковал буржуазных историков за то, что в их построениях самое понятие «революция» остается без определения. Поэтому всякий переворот, независимо от его целей и его движущих сил, квалифицируется как революция. Подобное понимание революции, подчеркивал Н. А. Машкин, является механистическим и, по существу, даже реакционным. Но, к сожалению, Н. А. Машкин сам также не дает четкого определения понятия «революция». Указывая, что революцией следует считать такой переворот, который вносит в жизнь «качественные изменения» и устанавливает «новые порядки», он подчеркивает ту мысль, что поскольку ни Октавиан, ни его союзники не ставили своей задачей установление качественно нового социального строя, то переход к империи нельзя считать революцией ²⁶. Но дело, конечно, не в задачах, которые в данном случае ставились Октавианом или кем-либо из его «союзников». Это обстоятельство вообще не может служить критерием революционности движения. Таким

²³ *Ibid.*, pp. 52—59. 63—76.

²⁴ *Ibid.*, pp. 113, 121 ff, 207 ff.

²⁵ *Ibid.*, pp. 311—312.

²⁶ Н. А. Машкин. Указ. соч., стр. 293—296.

образом, если Н. А. Машкин даже прав по существу и переход от республики к империи не следует считать революцией, то почему не следует — остается неясным и необъясненным.

В советской историографии существует и другая — правда, не очень последовательно и не очень четко выраженная — точка зрения. Ее сторонники трактуют переход от республики к империи как «переворот», причем подчеркивается революционный характер этого переворота, однако революцией в полном смысле слова он все же не признается. Например, А. Б. Ранович пишет: «Возникновение империи было общественным переворотом», — а несколько ниже он намекает — весьма осторожно — на революционный характер этого переворота: «Республиканские идеи, учреждения, методы управления, формы гражданственности не были начисто отменены новой императорской властью. Ведь даже коренная революция многое сохраняет от прежнего режима. Империя многое унаследовала от республики»²⁷.

О революционном характере событий II—I вв. до н. э., которые, однако, не могут быть оценены как революция, писал и С. И. Ковалев. В своих более ранних работах он развивал теорию двух фаз революции рабов. Первой фазой, считал он, были гражданские войны конца республики, но революция тогда потерпела поражение, и началась реакция, завершившаяся установлением империи²⁸. В дальнейшем С. И. Ковалев пересмотрел свою собственную оценку гражданских войн и пришел к выводу, что «это было мощное, сложное и длительное революционное движение, но оно не могло перерасти в революцию»²⁹.

Итак, по интересующему нас вопросу имеются, как вытекает из вышесказанного, три точки зрения. Сторонники одной из них — широко принятой в среде буржуазных ученых (Ростовцев, Сайм) — определенно утверждают, что переход от Римской республики к империи следует понимать как революцию. Ученые, разделяющие другую точку зрения (Машкин), столь же определенно не считают этот переход революцией. И, наконец, существует третья точка зрения (Ранович, Ковалев), согласно которой переход к империи признается «переворотом», даже революционным движением, не могущим, однако, перерасти в социальную революцию.

Между первой точкой зрения, которая распространена в буржуазной науке, и двумя другими, которые выдвигались советскими историками, несомненно, существует принципиальное различие, но заключается оно не в том, что одни признают революцию, другие ее отрицают, а третьи говорят лишь о «революционном движении». Оно заключается в принципиальном отношении советских историков, с одной стороны, и буржуазных — с другой, к самому понятию «социальная революция».

Классическое определение этого понятия, данное К. Марксом в его предисловии «К критике политической экономии», гласит: «На известной степени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»³⁰. Из этого широко известного определения вытекает прежде всего

²⁷ А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.-Л. 1949, стр. 7, 9.

²⁸ С. И. Ковалев. Две проблемы римской истории. «Вестник Ленинградского государственного университета», 1947, № 4, стр. 92.

²⁹ Там же, стр. 96; ср. С. И. Ковалев. История Рима. Л. 1948, стр. 336—338.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 7.

тот вывод, что социальная революция — это такая революция, которая приводит к гибели той или иной общественно-экономической формации, к смене одной формации другой, к утверждению нового способа производства. Конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями не может быть преодолен в пределах данной формации. Социальная революция — закон перехода от одной формации к другой.

Это понимание социальной революции, общее для всех советских историков, предельно ясно и не вызывает никаких сомнений. В данной статье мы хотим коснуться — хотя бы в порядке постановки вопроса — некоторых других аспектов этой проблемы. Нас интересует, в частности, вопрос о широте или, если можно так выразиться, о масштабе понятия «социальная революция». К какого рода историческим событиям приложимо это понятие? К каким революционным явлениям? Могут ли социальной революцией считаться те крупные социальные движения, вторжения в область собственности, которые, несомненно, двигали развитие того или иного общества вперед³¹, но не приводили к смене формации и способа производства? Исключать ли их по этому признаку из числа социальных революций?

Конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями не может быть преодолен полностью в пределах одной формации. Но разве он бывает когда-нибудь сразу, то есть в результате единичного революционного акта, преодолен до конца? Разве исключаются неполные, частичные решения этого конфликта? Другими словами, возможны ли социальные революции в пределах одной общественно-экономической формации?

Ключ к решению вопроса может быть найден в цитированном выше определении К. Маркса. Не случайно Маркс пишет не просто о социальной революции, а об эпохе социальной революции. Следовательно, речь идет не об единичном революционном акте, а о каком-то длительном периоде революционных потрясений. Это значит, что смена формаций и утверждение нового способа производства происходят, как правило, в результате целой серии социальных переворотов, которые или готовят революцию, наносящую решающий удар, или, наоборот, продолжают и дополняют эту революцию.

Ряд революций, происходивших в эпоху империализма, решал задачи буржуазной революции (уничтожение самодержавного строя, ликвидация пережитков феодализма в экономике и т. п.), но в силу того, что в этих революциях в качестве класса-гегемона выступала уже не буржуазия, а пролетариат, они одновременно были подготовкой революции социалистической. Таковы, например, революция 1905—1907 г. и Февральская революция 1917 г. в России. Недаром В. И. Ленин писал, что «без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»³². Но, как известно, ни революция 1905 г., ни Февральская революция 1917 г. еще не знаменовали собой победы нового способа производства.

Революция 1830 г. во Франции и революции 1848 г. в ряде стран Европы, происходившие в период расцвета капиталистических отношений, продолжали и дополняли дело предшествующих буржуазных революций, так как они (в особенности революции 1848 г.) были объективно направлены на ликвидацию сохраняющихся еще препятствий (в каждой стране эти препятствия имели свой особый, специфический характер) на пути развития капитализма. Но все эти революции происходили в пределах одной формации.

³¹ Из этого ясно, что из понятия «социальная революция» мы исключаем контрреволюционные перевороты, а также узкие заговоры, путчи, дворцовые перевороты и т. п.

³² В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 11.

Крестьянскую войну XVI в. в Германии Ф. Энгельс называл «самой величественной революционной попыткой немецкого народа», сравнивал с революцией 1848 года³³. Он говорил о Крестьянской войне как о первой из трех крупных решающих битв буржуазии, первой из трех великих буржуазных революций³⁴. С этой оценкой солидаризовался В. И. Ленин³⁵. Таким образом, Крестьянская война в Германии, хотя она, как и вышеупомянутые революции, не привела к смене формаций, была все же, безусловно, «полноценной» революцией.

Что касается античного общества, то К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно употребляли понятие «революция» применительно к этой формации. Маркс сопоставлял «великую социальную революцию», вызванную падением стоимости благородных металлов в Европе, с революцией «в раннюю эпоху древнеримской республики», которая, наоборот, была следствием повышения стоимости меди³⁶. Энгельс говорил о революции, «произведенной Солоном», о революции Клизфена и, наконец, о революции, «которая положила конец древнему родовому строю» в Риме и причина которой «коренилась в борьбе между плебсом и *patricii*»³⁷. Иногда обращают внимание на то, что, говоря о Солоне, Энгельс отмечал: «Солон... открыл ряд так называемых политических революций...»³⁸. Из этих слов делается вывод, что «политические революции» не являются социальными и что Энгельс в данном случае якобы противопоставляет один тип революций другому. Однако подобный вывод явно незакончен. Контекст высказывания Энгельса по поводу революции Солона может подсказать лишь обратное заключение. Речь идет не только о политическом перевороте, но и о серьезном вторжении в отношения собственности. В этом плане революция, «произведенная Солоном», сравнивается даже с Великой французской революцией. И, наконец, подчеркивается, что все политические революции «были совершены ради защиты собственности одного вида и осуществлялись путем конфискации, называемой также кражей, собственности другого вида»³⁹. Все это свидетельствует о том, что под «политическими революциями» Энгельс имел в виду такие общественные перевороты, которые не ограничиваются лишь сферой экономики, но в ходе которых решается и вопрос о политической власти. Из этого следует, что не может быть политической революции, которая не была бы одновременно революцией социальной.

Итак, какое содержание следует вкладывать в понятие «социальная революция»? Под социальной революцией мы должны понимать не только ту революцию, которая наносит главный, решающий удар отживающей формации, но и те, которые или еще только готовят этот удар, или, наоборот, доводят его до логического конца. Они могут происходить (и происходят) в пределах одной формации. В каждой стране и в каждую эпоху эти революции решают особые, специфические для данной страны (или эпохи), задачи, но они, несомненно, обладают и некоторыми общими чертами.

Все социальные революции имеют прежде всего исторически прогрессивное значение, поскольку они приближают гибель старой формации, отживающего способа производства, сходящих с исторической арены классов и содействуют утверждению новой, более прогрессивной формации и нового способа производства. Все социальные революции пред-

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 432, 436—437.

³⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 307—308.

³⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 43.

³⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 130.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 115, 117, 128. Последняя, очевидно, знаменовала собой переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому.

³⁸ Там же, стр. 114—115.

³⁹ Там же, стр. 115.

полагают независимо от их конечных результатов участие широких народных масс, которые выступают в качестве движущих сил революции. Тот факт, что во всех революциях прошлого политическая власть, как известно, в итоге оказывалась не в руках народа, но господствующих классов, которые использовали плоды и завоевания революции в своих интересах, говорит лишь о внутренней противоречивости тех революций, которые совершались ради защиты «собственности одного вида» против «собственности другого вида». Из этого следует, что только социалистическая революция может быть, и на самом деле является, свободной от подобного противоречия. И, наконец, каждая социальная революция неизбежно вызывает изменения в расстановке и соотношении классовых сил, вызывает переход политической власти если не к новым классам, то, во всяком случае, к новым фракциям господствующего класса.

Все вышесказанное подтверждает, на наш взгляд, правомочность и допустимость употребления понятия «социальная революция» в приложении не только к тем переворотам, которые знаменуют переход от одной формации к другой, но и к ряду революционных движений в пределах той или иной формации. Следовательно, это понятие может быть применено и к некоторым событиям римской истории.

Но весь вопрос в том, к каким именно? К гражданским войнам I в. до н. э.? К диктатуре Цезаря? Ко второму Триумvirату и правлению Августа? Мы полагаем, что понятие «социальная революция» следует применять не к гражданским войнам второй половины I в. до н. э., непосредственно приведшим к установлению политического режима империи, но к более ранним событиям, начиная от движения Гракхов и вплоть до Союзнической войны. Причем есть все основания считать Союзническую войну — грандиозное восстание италийского крестьянства — высшим этапом этой революции.

Каков был характер революции? Начавшись в среде римского крестьянства, движение ширилось и росло, достигнув ко времени Союзнической войны уже общепатрициального размаха. Это была революция против полиса, против его (то есть староримской) аристократии, против крупного землевладения, или, говоря иными словами, борьба италийского крестьянства за землю и политические права — та же борьба, которую вели некогда римские плебеи против патрициев, но на новой и расширенной основе, в общепатрициальном масштабе. И если борьба плебеев против патрициев окончилась в свое время отнюдь не победой широких слоев римского плебса, а весьма компромиссным результатом — образованием нобилитета (слияние патрицианской и плебейской верхушки!), то нет ничего удивительного в том, что и завоеваниями, достигнутыми в ходе революционной борьбы италийского крестьянства, воспользовались вовсе не сами широкие массы, а некоторые — в это время наиболее «перспективные» — фракции господствующего класса.

В чем заключались завоевания и итоги революции? Во-первых, италийское крестьянство получило доступ к земле (*ager publicus*) на условиях, равных с римлянами. Во-вторых, италийское население приобрело римские права, а следовательно, и юридическое право⁴⁰ участия в комициях. Более глубокие результаты революции состояли в том, что она подорвала полисную организацию, полисные институты, подорвала положение староримской аристократии, то есть действительно нанесла сокрушительный удар Риму-полису. В этом смысле дело революции принципиально было завершено Союзнической войной, а гражданские войны второй половины I в. до н. э. — уже последствия революции, ибо на этом этапе борьба шла за то, в интересах какой группировки или фракции

⁴⁰ О фактических ограничениях этого права мы сейчас не имеем возможности говорить.

господствующего класса будут использованы и окончательно «приспособлены» завоевания революции.

Борьба развертывалась с крайним напряжением сил. Староримская аристократия, удерживавшая политическую власть в своих руках не одно столетие, вовсе не собиралась сдавать давно завоеванные позиции без боя. Происходит переворот Суллы. Контрреволюционный характер этого переворота не вызывает сомнений, ибо диктатура Суллы в конечном счете учитывала интересы весьма узкой социальной группировки — верхушки римского нобилитета. Это была последняя и, по существу, уже безнадежная попытка сходящих с исторической арены фракций господствующего класса сохранить свое положение, власть, привилегии.

Столь откровенно контрреволюционный характер сулланской диктатуры, пожалуй, и оказался тем основным фактором, который обусловил крайне непрочный, недолговременный характер нового режима. Но и восстановление досулланской конституции в 70 г. не решило назревшие вопросы, ибо не учитывало коренных изменений в социально-политической обстановке и в первую очередь интересов новых и «перспективных» группировок господствующего класса. Однако в движение были приведены такие силы, борьба достигла такого накала, противоположность интересов и честолюбий определилась настолько резко, что все это, вместе взятое, делало неизбежным новый переворот.

И он, как известно, произошел. Под новым переворотом мы подразумеваем диктатуру Цезаря. Этот переворот был произведен в более гибких формах, его инициатор был окружен неким демократическим ореолом. Роль армии в этом перевороте тоже была несколько иной по сравнению с временами Суллы. Кроме того, Цезарь уже во многом шел навстречу — иногда сознательно, иногда вынужденный самой обстановкой — интересам новых группировок господствующего класса. Диктатура Цезаря оказалась недолговечной и столь трагически оборвалась не потому, что она по сути своей не соответствовала «духу времени» (наоборот, она целиком была порождением эпохи), но лишь потому, что в острой и напряженной атмосфере гражданских войн складывание нового режима в некое прочное государственное образование могло произойти не сразу и далеко не безболезненным путем. Это полностью подтверждается тем обстоятельством, что определенная тенденция, еще не очень явно и «бессознательно» намечавшаяся в реформаторской деятельности Цезаря, была подхвачена и с учетом ее государственной целесообразности развита Октавианом Августом. То, что у Цезаря было намеком, у Августа превращается в систему. В противоположность довольно распространенной в западной историографии со времени выхода в свет работ Э. Мейера точке зрения, согласно которой Август был продолжателем не Цезаря, но скорее Помпея, мы считаем единственно правильным рассматривать режим Августа как дальнейшее и «принципиальное» развитие отправных положений, намеченных деятельностью его приемного отца.

Что же касается общей оценки этого режима, то данная задача лежит уже за пределами нашей темы. Мы присоединяемся к выводам Н. А. Машкина, который, подчеркивая не только политический, но и общественный характер переворота при переходе к империи, вместе с тем констатировал, что «принципат не явился результатом революции, он был реакцией против революционного движения»⁴¹.

И, наконец, последний — *last but not least* — вопрос. Как известно, на период гражданских войн (если начинать их от времени Гракхов) приходятся крупнейшие выступления рабов — и сицилийские восстания и великая «рабская война» под руководством Спартака. Поэтому невольно встает вопрос: в каком соотношении находились рабские восста-

⁴¹ Н. А. Машкин. Указ. соч., стр. 606—607.

ния и движение италийского крестьянства? Были ли это две самостоятельные линии, два направления борьбы, не перекрещивавшиеся друг с другом, или одно из названных направлений, будучи более широким, включало в себя другое как некую составную часть?

Вопрос этот требует специального рассмотрения. Мы в данном случае остановимся лишь на некоторых общих соображениях. Прежде всего следует сказать, что гипноз известной формулы Сталина о «революции рабов» приводил к тому, что в советской историографии, как известно, самостоятельная роль рабов в революционной борьбе того времени значительно переоценивалась. В этой связи была сделана попытка трактовать революционное движение римско-италийского крестьянства как некое если не второстепенное, то, во всяком случае, подчиненное направление борьбы, а рабов — как своеобразного гегемона революции. Возникла даже проблема «союза» между рабами и угнетенными слоями свободного населения, в первую очередь пауперизованным крестьянством.

Совершенно ясно, что эта «концепция», отнюдь не вытекающая из реальных фактов римской истории, должна быть решительно отвергнута. Но, с другой стороны, не менее ошибочным было бы трактовать выступления рабов как составную (и подчиненную) часть крестьянской революции. Если совпадение во времени выступлений рабов и италийского крестьянства вовсе не было случайностью, если эти выступления в конечном счете даже могут быть возведены к общей основе, то это еще вовсе не означает того, что данные движения не развивались самостоятельно.

Рост и укрепление рабовладельческих отношений всегда тесно связаны с кризисом полиса. Но в данном случае эти явления имели общую основу: превращение Рима в крупнейшую средиземноморскую державу. Само собой разумеется, что эта держава не могла уже довольствоваться прежним примитивно-натуральным экономическим базисом и соответствующей ему — тоже примитивной и не приспособленной к новым условиям — политической надстройкой. Отсюда первые симптомы кризиса полисной (античной) формы собственности и начало разложения полисных институтов. Отсюда же развитие новых форм эксплуатации и проникновение рабского труда в основные отрасли производства.

На укрепление рабовладельческих отношений в Риме рабы отвечали стихийными массовыми восстаниями. Революционные выступления римско-италийского крестьянства были связаны с кризисом полиса. Таким образом, возникли две линии, два направления борьбы, которые хотя и были порождены общими причинами, но тем не менее развивались самостоятельно, не перекрещиваясь друг с другом и не сливаясь воедино.

В условиях рабовладельческого строя и не могло быть иначе: слишком велика была пропасть между рабом и свободным (тем более римским гражданином), слишком необъединимы были их нужды и интересы. «Союз» свободного с рабом всегда был не чем иным, как союзом всадника с лошадей. Раба можно было привлечь, использовать, можно было даже в какой-то степени считаться с ним, но нельзя было признать его равным или хотя бы подобным себе. Опыт гражданских войн в Риме учит, что рабы действительно довольно часто и охотно использовались вождями борющихся групп в качестве то менее, то более длительной опоры, но в качестве «гражданского» или идейного союзника — никогда. Именно по этой причине две вышеназванные линии социально-политической борьбы — плебейско-крестьянская и рабская — не могли ни при каких обстоятельствах слиться воедино. Это было обусловлено всей логикой, характером и уровнем развития классовых отношений в римском рабовладельческом обществе.